

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ЧЕЛЯБИНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УрО РАН
АДМИНИСТРАЦИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

XIV
УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
СОВЕЩАНИЕ
(21 – 24 апреля 1999 г.)

Тезисы докладов

Челябинск
1999

УДК 930.26

XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов. — Челябинск: Изд-во «Рифей», 1999. — 204 с.

В сборнике публикуются тезисы докладов XIV Уральского археологического совещания, которое состоялось в г. Челябинске 21–24 апреля 1999 года.

Сборник рассчитан на историков, археологов, этнографов и всех любителей древней истории.

Материалы, помещенные в сборнике, печатаются по авторским оригиналам.

Редакционная коллегия:

С.А. Григорьев, канд.ист.н. (отв. редактор), *С.Г. Боталов*, канд.ист.н.,
С.Ю. Гуцалов, *В.С. Мосин*, канд.ист.н.

ISBN 5–88–521–145–0

© Издательство «Рифей», 1999

Г.М. Бонгард — Левин, Э.А. Грантовский, 1974; И.В. Пьянков, 1978; Н.Л. Членова, 1983; ср.: И.В. Кукина, 1985).

Уже в эпоху бронзы транзитом через Рифеи из района Саян по «Великому нефритовому пути» начинают поступать из соответствующего минерала зеленого и белого цвета кольца и бусы, диски и подвески, находимые ныне в могильниках от Оки на западе до Шилки и Хуанхэ на востоке (А.П. Окладников, 1955; С.Р. Киселев, 1960; О.Н. Бадер, 1970; В.И. Матющенко, 1973; Л.Р. Кызласов, 1991). Правда, Л.Р. Кызласов западнее Сеймы на Оке этот нефритовый материал XVI—XIII вв. до н.э. не фиксирует, хотя тем же временем датируются 4 нефритовых топорики — лабриса сакрального предназначения из Бородинского клада 1912 г. из — под Одессы (А.А. Иессен, 1952; Е.И. Крупнов, 1960; Т.Б. Попова, 1987). Этой фиксацией саянского нефрита XV—XII вв. в Причерноморье мы отнюдь не стараемся «удлинить» указанный путь. Важнее другое: сопровождали эту отчасти случайную находку среди прочих предметов 2 наконечника копий из серебра 400 и 916 пробы Никольского месторождения на Урале (Е.Н. Черных, 1965).

Тем самым, материалы археологии выводят наш анализ на вторую плоскость роли Урала в товарообмене лесостепи конца бронзы — РЖВ, ведь наличие уральского серебра (беря шире — металла вообще) в Поднепровье I тыс. до н. э. — не редкость. Если в IV—III тыс. ведущими центрами разработки руд и, соответственно, поставки металла на юг Украины были Кавказ и особенно Прикарпатье, то резкое истощение их ресурсов, ввиду длительной разработки, приводит в эпоху поздней бронзы — РЖВ этот регион Циркумпонтийской металлургической зоны (ЦПМЗ) к заметному упадку. В этих условиях явно возрастает для литейщиков Поднепровья роль металлургических центров Волго — Уралья предананьинской эпохи. Передвижение же срубников — протоскифов на запад вовсе не пресекло экспорт уральских металлов в том же направлении, а только расширило его границы: в V—IV вв. до н.э. около трети от общего объема используемой на Украине руды составляла медь Урала (Т.Б. Барцева, 1981).

Эти данные последнего 20 — летия «переводят» Рифеи из статуса заурядной транзитной зоны Степи в ранг своеобразного «донора Евразии»: ведь в обмен на саянский нефрит Урал поставлял на Омь и Иртыш медь и бронзу (Е.Н. Черных, 1970), а на запад — помимо металлов — еще в пушнину. О последней упоминал еще Геродот (IV, 109), а 25 веков спустя она действительно была найдена в ходе обследований Артюховского и IV Семибратнего курганных склепов возле Пантикапея и Фанагории (М.И. Ростовцев, 1925).

Не следует при этом упускать из виду и то обстоятельство, что расположенные в центре Евразии Рифеи участвовали как в широтно, так и в меридианально ориентированных торговых коммуникациях. Последние же становятся особенно наглядными к концу I тыс. до н. э., когда бактрийский импорт типа Тилля — Тепе широко фиксируется у саргатцев, прохоровцев и гороховцев южного Урала (М.Г. Мошкова, 1963; Б.А. Литвинский, 1978; В.И. Сарияниди, 1983; Л.Н. Корякова, 1988), а по Каме, Печоре и Вычегде доходит даже до угорских культур Пермии — «Биармии» (В.Ф. Генинг, 1970; Э.А. Савельева, 1971, 1989; К. Мейнандер, 1979; Л.И. Ашихмина, 1955).

Т.о., если срединное положение Урала обеспечивало ему роль транзита чисто географически, то природные ресурсы Рифеев делали их еще и евразийским «донором» по части металлов для широкого ареала культур поздней бронзы — РЖВ.

Лалтева Т.А., Перевощиков С.Е., Черных Е.М. (Ижевск)

**К 100-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗУЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА:
ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАСКОПОК КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ
У Д.ЗУЕВЫ КЛЮЧИ**

Работы проводились при финансовой поддержке РГНФ (грант 98-01-18042)

В 1898 г. известным русским археологом и историком А.А.Спицыным был исследован Зуевский могильник ананьинского времени, до сих пор остающийся единствен —

ным такого рода памятником в Удмуртском Прикамье. Несколько раньше тем же исследователем было изучено одновременное могильнику городище, известное среди местного населения как «крепость». Последующими разведками в окрестностях городища и могильника выявлено еще около двух десятков объектов, аккумулировавших в себе уникальную для Прикамья культурно — хронологическую ситуацию. Особенно масштабные раскопки проводились на городище в 70—е годы в связи со строительством каскада Камских гидроэлектростанций.

Изучение ананьинских и пьяноборских материалов Прикамья, в том числе и Зуево — Ключевского I городища, привело В.Ф.Генинга к очень важным выводам, касающимся социокультурных и этнических процессов в Западном Приуралье. И тем не менее, несмотря на, казалось бы, хорошую изученность городища, целый ряд вопросов, связанных с историей этого микрорайона, остался нерешенным. В том числе, это вопросы, касающиеся особенностей пространственной и функциональной организации поселения в различные периоды существования памятника; межкультурного обмена и межэтнического взаимодействия в одном из ключевых районов Западного Приуралья; палеосоциальных и палеоэкономических реконструкций.

В 90 — х годах обозначилась реальная угроза утраты этих первоклассных памятников истории и культуры вследствие возобновления гидротехнических работ, нефтегазоборок и отвода земель в частное пользование. Этими обстоятельствами, а также перспективой организации на базе Зуево — Ключевского микрорайона историко — культурного и ландшафтного заповедника, было продиктовано возобновление раскопочных работ на городище и могильнике. Научная программа раскопок была разработана с учетом двух важных посылок: предпочтением охранных задач и использованием естественно — научных методов, дающих возможность более полного исследования памятников без причинения значительного ущерба.

Площадь раскопов на могильнике составила около 210 кв.м, средняя глубина напластований 2,3 м. На всей площади раскопа найдены фрагменты лепной посуды эпохи бронзы, кремневые предметы и кости животных. В юго — восточной половине раскопа обнаружены 8 захоронений ананьинского времени (всего 10), образовавшие нечеткий ряд. Захоронения были представлены одиночными погребениями, групповым, и отдельными черепами. С площади раскопа происходят отдельные находки, которые также следует связывать с могильником ананьинского времени. Это бронзовый наконечник копья, фрагмент бронзовой обоймы, а также железный псалий. Скорее всего, эти предметы относятся к разрушенным могилам. Обнаруженные остатки могильника в целом укладываются в предложенную С.В.Кузьминых для этого памятника дату — VI — нач. IV в. до н.э.

В северо — западной части раскопа, а также у его южной стенки были обнаружены 7 захоронений XVII в. Следует отметить, что захоронения в основном детские в возрасте до 1 года. Судя по расположению в могиле и разнообразию форм могильных ям, умершие дети Зуевоключевского III могильника были завернуты в кору дерева, а не уложены в деревянные дощатые гробы, но погребение одного взрослого было совершено в гробу. Исследованные погребения Зуевоключевского III могильника, судя по нательным крестам, относятся к XVII в., а, возможно, и к концу XVI в. и представляют собой важный источник по изучению истории освоения русскими Удмуртского Прикамья.

Площадь раскопов на городище за два года исследований достигла 733 кв.м. При раскопках 1998 года на городищенской площадке был апробирован метод электро — метрических исследований грунта, созданный группой физиков под руководством к.т.н. И.В.Журбина в отделе автоматизации физико — технических измерений ФТИ УрО РАН. Выбор данного метода был обусловлен его успешным применением на ряде археологических памятников, в том числе и в Удмуртии, а кроме того реальной возможностью выявления наиболее насыщенных материальными объектами участков слоя, определения контуров сооружений и планиграфии поселения без масштабного разрушения культурного слоя. В целом электрометрический анализ, проведенный на

разных участках городища, отличающихся характером культурных напластований, показал почти полное соответствие объектам, выявленным традиционными для археологии методами. На северной стороне площадки было продолжено изучение жилищно-хозяйственных комплексов ананьинско-пьяноборского времени, распределяющихся в трех строительных горизонтах. Вещевой и керамический комплекс раскопа соответствует характеру выявленных строительных объектов. На южном участке городища было продолжено изучение объектов, интерпретированных В.Ф.Генингом как святилище. В 1998 г. здесь были исследованы часть культового сооружения размерами 13х14 м, жертвенных комплексов из черепов и костей диких и домашних животных, получен богатый вещевой, керамический и археозоологический материал, свидетельствующий о сложной жизнедеятельности населения крупного административного, хозяйственного, идеологического центра Прикамья I тыс. до н.э.

Лелихин А. Н. (Пермь)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ГЛЯДЕНОВСКИХ КОСТИЩ

Хронология и периодизация гляденовской культуры, в отличие от других культур пьяноборской эпохи в Приуралье разработана недостаточно. Главная причина этого — малое количество инвентаря в гляденовских могильниках. Хронология наиболее характерных и ярких памятников гляденовской культуры — костящ также освещена в работах разных исследователей весьма противоречиво. А.П.Смирнов разделил материалы Гляденовского костяща на 3 стадии: 1. VI — III вв. до н. э., 2. II в. до н.э. — III в. н.э. 3. III—VIII вв. Ильинское, Гаревское и Останинское костяща, по мнению А.П. Смирнова относятся к эпохе начала пьяноборской культуры, а все прочие — к первой половине I тыс. н. э. (Смирнов А.П., 1952, с. 86—94). В.Ф. Генинг датировал Гляденовское и Юго-Камское костяща III в. до н.э.—II в. н.э., а все остальные, так называемые малые — III—V вв. (Генинг В.Ф., 1988, с. 133).

Раскопки, проведенные Камской археологической экспедицией в 80—90-е гг. на ряде костящ дали ряд находок, которые позволяют несколько уточнить хронологию памятников этого типа.

Ранняя дата Гляденовского и Юго-Камского костящ достаточно четко определяется находками глиняных антропоморфных статуэток (2 экз. в жертвенных ямах на Гляденовском и 1 экз. из слоя на Юго-Камском костяще и костяного кочедыка с головой лося (1 экз. на Гляденовском костяще). Эти вещи имеют многочисленные аналогии на культовых памятниках ананьинской культуры — Концеворском селище, Гремячанском и Половинном I святилищах. Таким образом, Гляденовское и Юго-Камское костяща возникают на позднем этапе ананьинской культуры — в IV—III вв. до н.э. К этому времени относятся и некоторые типы бус и бронзовых наконечников стрел. Поздняя дата этих костящ определяется находками косы-горбуши, аналогия которой имеется в материалах Тураевского могильника III—V вв. (Генинг В.Ф., 1962, с. 75), а также синего и зеленого стеклянного бисера, датируемого IV в. (Казанцева О.А., 1995, с. 157). В то же время, на этих памятниках не найдено никаких типичных вещей харинского времени, что позволяет говорить о том, что они прекращают свое существование в IV в.

Из так называемых малых костящ раньше всех возникает, по-видимому, Усть-Туйское. Ранняя дата его определяется находкой синей стеклянной бусины с белыми глазками, дата которой не позднее начала нашей эры (Алексеева Е.М., 1975, с. 65) и шейной кольцевой подвеской, дата которой I—II вв. (Лещинская Н.А., 1995, с. 90). Важное значение для датировки костящ имеют находки бисера из непрозрачного зеленого, желтого и синего стекла. Он обнаружен на Слепушкинском (6 экз.), Усть-Туйском (8 экз.) и Ильинском (1 экз.) костящах. В Прикамье он четко датируется IV в. по аналогиям с материалами селища Пеньки (Мельничук А.Ф., Соболева Н.В., 1986, с. 107—108), Красноярского могильника и ряда могильников мазунинской культуры (Казанцева О.А., 1995, с.157). Халцедоновые бусы, найденные по одному экз. на Слепушкинском и Ильинском костящах, характерны для комплексов III — IV